

Татьяна КУЗНЕЦОВА
Анатолий УТКИН

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анатолий Иванович Уткин
Татьяна Федоровна Кузнецова
История американской
культуры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22826329

*Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И. ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ. Учебник для вузов: Человек; Москва; 2010
ISBN 978-5-904885-11-3*

Аннотация

Данное учебное пособие по истории культуры США – относительно краткой, но безусловно яркой – написано почитателями и знатоками этой страны, профессорами Т. Ф. Кузнецовой и А. И. Уткиным. Авторы подробно прослеживают, как колонисты, принесшие на новый континент дух старой Англии и идеи религиозного протестантизма, за четыре века интенсивного развития и приема иммигрантов сумели сделать мир своей культуры и разнообразным, и глубоким. Единственная крупная страна, не знавшая феодализма, США заняли видное место в мировой литературе, киноискусстве, архитектуре, популярной музыке, а также в философии, юриспруденции, естественных и технических науках. Учебник рассчитан на студентов, специализирующихся в культурологии

и американистике, но как источник расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества будет полезен студентам любого профиля, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой.

Содержание

Предисловие	6
Введение	17
Часть I	27
Глава первая	27
Предпосылки возникновения колониальной культуры	27
Плантаторы Юга	35
Колониальные хронисты об основаниях американской культуры	47
Глава вторая	53
Новая Англия	53
Образ жизни	67
Проповедники и судьи	73
Культура печатного слова	76
Религиозное ожесточение	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Татьяна Кузнецова
Анатолий Уткин
История американской
культуры

© Кузнецова Т. Ф., Уткин А. И., 2010

© Издательство «Человек», оформление, издание, 2010

* * *

Предисловие

Создание учебника по истории американской культуры поставило нас перед необходимостью, помимо изучения собственно культуры, уделить внимание решению более общих вопросов – теоретических (связанных с пониманием культуры и культурологии как научной дисциплины), методологических (обращенных к способам научного анализа историко-культурного материала), методических (имеющих задачу подготовки вузовского учебника по культуре США – одного из немногих, выпущенных в России).

По мере развития культурология все более определяла свою предметную область, закрепляя за собой знание о культуре не как об отдельной социальной сфере, а как о наработанной программе жизнедеятельности общества, ценностном содержании и аспекте любой деятельности. Однако в большинстве учебников по культурологии наблюдается обособление культуры как специализированной деятельности. Наибольшее внимание в качестве таковой уделялось художественной культуре, вошедшим в мировую сокровищницу образцам, в том числе прецедентным феноменам культуры разных стран и народов. Под прецедентными феноменами понимается «авторство» тех или иных культурных форм, произведений, воззрений и способов деятельности, закрепленное за определенной страной, которую нередко знают в

мире по приоритетности ее достижений.

Так, ни у кого не вызовет сомнения, что Россия известна своими православием, деспотизмом политических форм и революциями, классической литературой, философией, воплотившей в себе мировоззренческое знание в большей мере, чем научное, фундаментальными научными открытиями, позволившими достичь высот в освоении космоса, музыкой, балетом, победами в войнах, модернизацией как ответом на вызов Запада, народными промыслами, фольклором и прочими социокультурными фактами, которые закрепили за ней эти приоритеты.

Что касается американцев, то за ними прочно закрепилось первенство коммерческой республики, демократической политической культуры, общества пуритан, естественно-исторически сложившегося мультикультурализма, но при этом и «плавильного тигля» народов, к XX веку превратившегося в общество массовой культуры, Голливуда, высокой художественной литературы, мюзиклов. Эта прецедентность отмечена ощущением миссионерской роли страны, восприятием себя как «Божьего града на холме», выражением политики гегемонизма.

Американская культура демонстрирует тесную связь с историей США, развитием всех аспектов американской жизни, вырастает из повседневности. Как и всюду, в США сегодня имеются культурные разрывы и кризис идентичности. Но в целом это – страна, история которой убедительно подтвер-

ждает взгляд на культуру как программу человеческой деятельности и позволяет представить ее как ценностно-смысловую основу жизни общества.

В связи с этим представленная работа может быть охарактеризована не только как учебник по истории американской культуры, но и как учебник, в котором, с нашей точки зрения, теоретический тезис о культуре как программе жизни общества развернут наиболее последовательно. Сведение истории культуры к функционированию специализированных культурных форм и отрыв ее от истории страны менее всего плодотворен. Политическая, экономическая, социальная, гражданская жизнь Америки как общества, строившегося заново на новом месте, дает возможность не выделять культуру в особую сферу, а рассматривать ее в качестве неотъемлемой основы всей жизни американского общества, сделавшего культуру фундаментом живой процессуальной истории.

Это объясняет, почему в учебнике не использован принцип полной представленности всех деятелей американской культуры, особенно художественной. В нем применен феноменологический принцип связи специализированной деятельности в культуре с повседневностью и историей, а не принцип каталогизации и всестороннего охвата явлений. Мы стремились коснуться узловых пунктов связи культуры и американской истории.

Сами американцы чаще всего интерпретируют отдельные

явления культуры, исходя из этой методологии. Так, В. Л. Паррингтон в своем знаменитом трехтомном труде «Основные течения американской мысли» (М.: Изд-во иностранной литературы, 1962), посвященном эволюции американской литературы с момента ее возникновения до 1920 года, в первом томе рассматривает систему взглядов колониального периода (1620–1800), во втором томе – революцию романтизма в Америке (1830–1860), в третьем – возникновение критического реализма в США (1860–1920). Он рассматривает эволюцию художественной литературы США как развитие течений американской мысли, а последнее – как изменение ценностей и схем деятельности, сопровождавших и формировавших американскую историю. Эту традицию можно проследить и в книге «Современная американская литературная теория» (Spikes M, Contemporary American Literary Theory. South Carolina: University of South Carolina Press. 2003), где литературная теория глубоко социологизирована. В ней выделены пять основных социально обусловленных тем: деконструкция, афроамериканское направление, новый историцизм, политическая критика и феминизм, т. е. все, что, несмотря на специализированный характер такого вида культуры, как художественная литература, подано в социальном контексте, а не как самостоятельная эволюция художественных форм (может быть, за исключением деконструкции). Эта методология существенно отличается от выше отмеченной тенденции каталогизации всех явлений культуры.

Конечно, любая подобная реконструкция культуры может быть подвергнута критике. Возникает проблема методологического обоснования нестандартных исследований истории культуры.

Тезаурусный подход (см.: Луков Вал. А, Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008; Кузнецова Т. Ф. Историзм и движение к тезаурусному анализу. // Тезаурусный анализ мировой культуры. Выпуск 2. М.: МОСГУ, 2005) дает методологическую опору для построения неклассической истории культуры. Классическая история предполагает максимально полное освещение материала, строго систематизированное, в наибольшей степени приближенное к объективному (то есть не зависящему от позиции исследователя) знанию о предмете. Тезаурусный подход уточнил: именно приближенное, но объективным в полной мере не являющееся. Препятствием здесь становится тезаурусность – присущий любому человеку, а также любой объединенной на каком-то основании группе людей, национальной культуре способ осмысления мира по ценностному основанию «свой» – «чужой». В центре культурного тезауруса (систематизированного по этому основанию свода представлений о той части мировой культуры, которую может освоить субъект) находится «свое», на периферии тезауруса находится «чужое» (есть и «чуждое», в отличие от «чужого», неприемлемое, недопустимое). В сердцевину «своего» встраивает-

ся «картина мира», включающая константы, порождающие модели и другие основы освоения мира, но выступающая прежде всего как его образ.

В свете сказанного становится более понятной концепция данного учебника. Мы стремились создать культурную картину американского мира в ее единстве и многообразии. При этом учитывался не американский, а отечественный культурный тезаурус – как в отбираемом материале для исследования и описания, так и в выборе исследовательских моделей, т. е. мы исходили из наиболее интересного для русского читателя материала, который бы раскрыл культуру США не как «чужую» для него. Для нас были важны достижения философии культуры, культурологии, истории культуры, литературы, политологии и т. д., созданные в разных странах и в разные эпохи. Но наибольшее значение, в полном соответствии с тезаурусным подходом, придавалось работам наших современников и соотечественников. Так, значимыми стали социально-философская концепция «хорошего общества» в той форме, как она представлена в трудах В. Г. Федотовой; концепция философии культуры, предложенная В. М. Межуевым; концепция культурогенеза, как ее излагает А. Я. Флиер; синергетическая парадигма в понимании О. Н. Астафьевой; социокультурный анализ в работах И. М. Быховской, Г. М. Пономаревой, Н. Г. Багдасарьян, Л. М. Мосоловой, О. А. Нестеровой, А. Г. Васильева, А. Н. Доброхотова, К. Э. Разлогова, взгляд на «массовую культуру», при-

суций А. В. Костиной, Е. Н. Шапинской; и т. д.

В числе важных для настоящей работы исследователей отметим А. А. Аникста, А. С. Мулярчика, В. П. Шестакова, А. Н. Николюкина, М. О. Мендельсона (исследование американского романа, американской литературы), Н. П. Михальскую, Я. Н. Засурского, А. М. Зверева (литература и драматургия), Н. А. Анастасьева, А. А. Елистратову П. С. Балашова, Т. Л. Морозову, А. Ю. Мельвиля (контркультура и неоконсерватизм), В. М. Толмачева (американский роман), М. М. Кореневу (американская драматургия), И. Е. Кокарева (американский экран), А. С. Козлову (американское литературоведение). Существенное значение имеют работы В. И. Солодовникова, А. Л. Штейна, А. Н. Рома и др.

Из исследований последнего десятилетия хотелось бы выделить монографию М. В. Тлостановой «Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века». Это глубокое и оригинальное исследование литературных процессов, осуществляющееся в пространстве поликультурной жизни современной Америки. Книга показывает картину развития современной американской словесности, открывая новые имена, закладывая новые парадигмальные основания социокультурных исследований.

Трудно перечислить все источники, на которые мы опирались при создании учебника: наш жизненный опыт, научный багаж, соображения оппонентов и т. д. присутствуют в книге в переплавленном виде. То же можно сказать и о материа-

ле: факты американской истории, даты, персоналии, герои и злодеи, газеты, телесериалы, обладатели «Оскара», лауреаты Нобелевской премии, великие спортсмены и т. д. вовсе не построены в колонны по алфавиту, далеко не все упомянуты, но в той мере, в какой мы, авторы учебника, погружены в американскую культуру и в какой эта культура отразилась в нашем тезаурусе, все они составляют незримый фон, позволяющий делать обоснованные выводы на ограниченном числе примеров, непосредственно анализируемых на страницах учебника.

Возьмем, к примеру, художественную литературу как важный источник для раскрытия картины американского мира. Учебник не содержит всестороннего и систематического описания и анализа американской литературы, генезиса ее традиций, выявления влияния и связей с английской и европейской литературно-художественной жизнью. Главным образом это объясняется наличием в отечественной науке глубоких исследований истории литературного процесса в США, описанием определенных научных парадигм и социокультурных моделей, в соответствии с которыми художественная литература страны создавалась и интерпретировалась. Ради того, чтобы главные мысли учебника не растворились в частностях, подробностях, мы не делаем сносок, но называем авторов, приводим их подлинные мысли, выделяя иным шрифтом, даем основательную библиографию. Мы следуем принципу, что культурологический учебник не

должен повторять литературоведческий, не должен складываться из учебников по истории, политологии и т. д. У него своя задача.

Не выходя за пределы истории США, мы написали не историю страны, а историю ее культуры, неразрывно связанную с политической историей, социальной, религиозной жизнью и повседневностью американского общества. Основная цель работы состоит не столько в полноте, сколько в системной целостности панорамы американской культуры, в формировании у студентов картины американского мира, основанной не на стереотипах (как положительных, так и отрицательных), а на конкретных фактах культурной истории Америки.

Сегодня в США осознано значение культуры в качестве своего рода оружия – «мягкой мощи», как называет ее американский профессор Дж. Най. Америка стремится быть привлекательной для мира. Американская культура призвана увлекать и восхищать разные слои как американского, так и других обществ, чтобы обеспечивать влияние и притягательность США для других народов.

Мы придерживались объективной оценки таких форм влияния, поддерживая одни и критикуя другие – примитивные – образцы американской культуры. Вместе с тем очевидно, что американские авторы написали бы учебник иначе.

Мы постарались избежать предвзятости в интерпретации историко-культурной динамики США. С этой точки зрения

весьма важно было иметь в виду характер оценки американцами своего национального духовного наследия. Нами изучена американская литература и американские учебники по проблемам культуры США. Поэтому подчеркнем: данную историю американской культуры написали российские ученые рубежа XX–XXI веков для российских студентов начала XXI столетия, основываясь на представлениях об американцах, закрепившихся в русском культурном тезаурусе, стремясь расширить и уточнить эти представления на основе научного анализа не только выдающихся событий, достижений, но и обыденной культуры населения США. Результат этого анализа направлен к синтезу – формированию у российских студентов культурной картины американского мира, обогащенной новыми сведениями и их научной интерпретацией.

Учебник предназначен не только для студентов, специализирующихся в культурологии или американистике. Как краткое изложение основ американского общества и американской культуры он будет интересен и, безусловно, полезен в качестве источника расширения представлений об общественной истории, о выдающемся созидательном опыте человечества студентам любого профиля, включая естественнонаучный.

Учитывая, что данная работа относится к жанру учебного пособия, в методологических целях во Введении излагается краткая история США, основные положения которой более

подробно освещаются на страницах книги в связи с панорамой культурной жизни страны.

Введение

Национальные интересы любого государства формируются в зависимости от его самоопределения в мире. Поэтому в политологические, социологические, культурологические и другие дисциплины вводится понятие *идентичности* (англ. identity – тождественность, одинаковость, совпадение). Идентичность той или иной нации, то есть совокупность ее представлений о том, «кто она такая», постоянно находится под воздействием целого ряда внешних факторов. Вот почему в связи с ускорившейся экономической глобализацией и падением блоковых барьеров в конце XX века повсеместно начались процессы, называемые «кризисом идентичности».

Сегодня весьма актуальным становится вопрос о специфических чертах отдельно взятых народов, жизнь и облик которых стремительно меняются. Это касается и России, и Европы. Пристальнейшее внимание обращено к кризису идентичности одной из ведущих стран современного мира – Соединенных Штатов Америки. Совершенно ясно, что новый этап формирования американской национальной идеи воздействует на основные международные процессы.

*Эрнан Кортес.
Портрет работы неизвестного художника, XVII в.*

*Христофор Колумб.
Педро Берругуэте, XVI в.*

*Америго Веспуччи.
Гравюра с портрета известного художника.*

Эти люди, сами того не желая, закладывали фундамент американской истории и формировали базу для ее национальной идентичности.

«Островное» самосознание североамериканцев сложилось исторически. Оно объясняется географическими причинами: Америка обособлена, отделена от остального мира океанами, ее культура складывалась в условиях значительной изоляции. Вторая важная особенность американской цивилизации – поразительная мощь, приобретенная за сравнительно небольшой срок.

Национальная идентичность обуславливается рядом параметров: нация, этническая принадлежность, язык, религия и идеология, в совокупности определяющие феномен культуры. Каждый из этих факторов остается основополагающим в условиях постепенного развития и способствует сохранению единства национального пути. Однако в меняющихся исторических условиях то один, то другой параметр

начинает преобладать. И в начале XXI века Америка оказывается перед выбором приоритетного начала. Вот основные возможные модели ее развития:

1. Соединенные Штаты — *универсальная* нация, ее ценности близки всему человечеству, а принципы понятны всем народам. Здесь недаром собрались наиболее энергичные представители различных государств, наций, народов планеты. Многие из «отцов-основателей» США видели в созданной ими стране мировой авангард, который опробует новые социальные и материальные схемы, чтобы затем «осчастливить» полученными результатами менее развитую часть человечества.

Если идентичность Америки базируется на универсальных принципах свободы и демократии, то не следует подчеркивать узкую «американскость»: Соединенные Штаты выступают как лаборатория всего мира. Целью внешней политики страны должно быть глобальное распространение принципов свободного волеизъявления и свободного рынка.

2. Соединенные Штаты — *западная* нация, что исторически определяется европейскими корнями, европейскими институтами, которые когда-то возникли из самоуправления англов и саксов. Таким образом, американский «америкагеополитически-генетический код» соотносится не со «*всем миром*», а только с «*западным миром*». Если США — лидер западного мира, то основополагающим принципом Вашингтона должно быть всемерное укрепление связей с «ведомы-

ми» государствами. В этом случае США безусловно обязаны считаться с европейскими политическими, экономическими, демографическими и прочими интересами. Цель государства в этом случае – прежде всего, сохранение Североатлантического союза и обращение к остальному миру от имени единой цивилизации Северной Атлантики и Запада.

3. Америка – *уникальная* нация, исключительная по своей истории и особенностям, созданная в неповторимых условиях, которые нельзя имитировать: это, как уже говорилось, изоляция и одновременно – готовность реализовать на практике блестящие идеи европейского Просвещения. Сторонники этой точки зрения утверждают, что Америку, собственно, породили три начала: англосаксонское понимание свободы, европейская Реформация и *Siècle des Lumières* – век Просвещения. Вольнолюбивые бритты, покинувшие историческую родину и обосновавшиеся за океаном, привнесли в новое государственное образование идею парламента, народовластия. Национальная версия протестантизма сделала Америку непохожей ни на одну другую нацию, в том числе и в протестантском мире, Блестящая плеяда политиков, ученых, общественных деятелей, собравшихся вокруг третьего президента США, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона и его преемника Джеймса Мэдисона, одного из создателей американской Конституции, реализовала то, о чем мечтали философы: Америка – прежде всего «фрагмент Просвещения», своего рода воплощение мечта-

ний Джона Локка и Монтескье.

Джон Локк (1632–1704). Английский философ, основатель либерализма, автор эмпирической теории познания («Опыт о человеческом разуме», 1689), согласно которой всё человеческое знание проистекает из опыта. Был сторонником идеи естественного права и теории общественного договора. В педагогике исходил из решающего влияния среды на воспитание. Основоположник ассоциативной психологии.

Шарль Луи Монтескье (1689–1755). Французский правовед и философ, предтеча количественной теории денег. Один

4. Америка на сегодняшний день – это государственное образование, *трансформирующееся* под влиянием массы наиболее активных поселенцев-иммигрантов. На побережье открытого Колумбом континента Северной Америки вслед за англичанами устремились голландцы, шведы, французы. Следом хлынули ирландцы, немцы, итальянцы. За ними последовали жители Восточной Европы. Всякий раз в зависимости от притока свежей крови облик американской цивилизации и культуры отчасти менялся, и нужно уделять особое внимание тому потоку, который главенствует в данный исторический период. В начале XXI века это массовый въезд в США испаноязычного населения. Исходя из такого понимания идентификации, Соединенные Штаты должны решительно повернуться к Латинской Америке.

5. Существует еще один, пятый путь или принцип. Американская нация – это сообщество людей со своеобразными и по существу минимальными общими основаниями идентичности хрупкий общий базис – это краткая Декларация независимости, Конституция, законодательная база и фактически ничего более. Однако хрупкость базиса лишь кажущаяся: все дело в том, что перечисленные документы гарантируют *равные гражданские права и свободы для всех граждан страны.*

По этому поводу самый проницательный исследователь

Америку, Алексис де Токвиль, писал, что в США все рождаются равными и лишены необходимости доказывать или утверждать это равенство. Но ведь «равный» – это еще и «одинаковый», «ничем не выделяющийся», что противоречит самой идее национальной идентификации, согласно которой нация должна мыслить себя уникальной, а каждый индивид настаивать на неповторимости собственной личности. Чтобы избежать равенства в «уравнивающем» понимании, Соединенным Штатам следует отказаться от поисков «родственных» цивилизационных отношений и идти к пониманию того, «что есть Америка», не пытаясь искать общие корни с другими нациями и государствами. В этом случае логично предположить, что конфликты за пределами Соединенных Штатов не имеют непосредственного отношения к собственным интересам американского народа, и правительству страны не стоит пристально всматриваться в то, что происходит в чуждом внешнем мире.

Структура настоящей работы ориентирована в основном на периодизацию новейшей американской истории, где отчетливо просматриваются три основных периода.

1. С конца восемнадцатого века и до 1890-х годов США выступали преимущественно как торговая держава, менее значимая в военном смысле.

Со временем Америка освободилась от английского владычества. Гравюра XVIII в. под красноречивым названием «Америка сбрасывает своего господина» (английского короля Георга III) говорит сама за себя.

2. Между 1898 и 1941 годами США впервые попытались играть роль лидирующей державы в военной и экономической сфере, Однако страна оставалась лишь одним из нескольких существовавших мировых центров. Материальные предпосылки обретения всемирного могущества складывались в течение десятилетий. По основным экономическим показателям США заняли первое место в мире уже в конце XIX века, а затем в ходе Первой мировой войны произошло превращение страны из должника европейских держав в их кредитора.

3. С вступлением во Вторую мировую войну произошел отказ Соединенных Штатов от политики «изоляционизма» и осуществился переход к идее всеохватывающей глобальной экспансии.

В нашей книге речь пойдет об американской культуре-

ре (термин «культура» понимается прежде всего в базовом значении как «система ценностей данной человеческой общности»). Анализируя ее, следует сконцентрироваться на внутриамериканских демократических преобразованиях, на стремлении действовать посредством позитивного примера, а не на случаях навязывания своей воли и институций (что в принципе не может быть результативным) таким далеким и непохожим на США странам, как Филиппины, Вьетнам, Ирак. От выбора приоритета в процессе самоидентификации зависит очень многое. В частности – характер будущей внешней политики страны, которая после окончания «холодной войны» не без напряжения реагирует на события в быстро меняющемся мире XXI века.

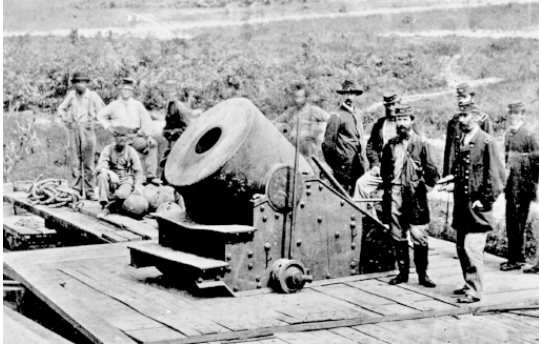

Государственный герб Соединенных Штатов Америки

Наиболее точную и емкую характеристику американско-

му обществу дал, пожалуй, Сеймур Мартин Липсет, говоривший о сочетании в американском характере религиозности, оптимизма, патриотизма, индивидуализма и осознанного стремления защищать права человека от малейшего посягательства с чьей-либо стороны. Алексис де Токвиль еще в начале девятнадцатого века писал, что американский социум – это нечто новое, небывалое, неизвестное прежним аристократическим обществам. Разумеется, и при многовековом наличии таких «аристократических обществ» каждая европейская нация уникальна; но уникальность Америки – из-за отсутствия огромных пластов исторического опыта – носит все же особенный характер.

Часть I

Глава первая

Формирование американской нации

Предпосылки возникновения колониальной культуры

Англосаксы, в отличие от испанцев и французов, ехали в Америку с твердым пониманием того обстоятельства, что их ждет не благословенное Эльдorado, а тяжелый труд в суровой стране. Этот момент является ключевым для понимания американской нации и культуры. Ядро будущего нацио-

нального единства составили пуритане (*англ.* puritans – «чистые»), последователи религиозного движения, настаивавшего на реформах англиканской церкви, уничтожении епископата, введении совета выборных старейшин, удалении из церкви украшений, упрощении религиозных обрядов, замене мессы проповедью.

Протестантская этика с наивысшей силой проявилась в дневниковых записях капитана Джона Смита, основателя Вирджинии, первой североамериканской колонии Англии. Он писал, что первопоселенцам было нечего ждать, кроме результатов собственных усилий. Идея действенности и обязательности тяжелого труда подкреплялась (и отягощалась) кальвинистским представлением о жизни как неизбежной трагедии, о земном пути как дороге страданий. Вот почему атмосфера первых поселений пуритан угнетает даже в описаниях: перед читателем открываются унылые картины того, как мрачные люди молча и безостановочно пробивают дороги, очищают поля, без радости и песен встречают рождение детей, без славословия провожают усопших.

Но ощущение свободы от полуфеодальных пут Европы стало проявляться довольно быстро. В английских колониях отсутствовала религиозная дисциплина, требуемая англиканскими епископами метрополии, и пуритане мало-помалу обрели невиданный простор не только для культовых отправлений, но и для определения базовых принципов своей жизни. В каждом североамериканском поселении обра-

зовалась своя независимая религиозная община, а *проблема* духовной свободы свелась к самостоятельному определению верований, пристрастий, вкусов.

В. Сегар. Елизавета I с горностаем – символом королевской власти Англии. 1585

Джон Смит (1580?-1631) Знаменитый путешественник, которому американцы обязаны названием «Новая Англия».

Культура североамериканских колоний с самого начала носила, что вполне понятно, черты западноевропейской прародины – Англии с ее высокими достижениями елизаветинской и революционной эпох, с ее сумрачным пуританским бытом. Удивительной особенностью, отчасти объясняющей дальнейшую оригинальность и интенсивное развитие культуры США в целом, явилось повсеместное наличие довольно богатых домашних библиотек, бережно собранных не только в Англии, но в других европейских странах. Уже вскоре после освоения атлантического побережья в тринадцати здешних колониях начинается печатание и распространение памфлетов, альманахов, периодических изданий, а затем и книг.

В становление американской культуры внесла свою лепту не только доминирующая англосаксонская струя, Оказало

влияние наследие множества других народов – шотландцев, ирландцев, голландцев, валлийцев, шведов. Но на протяжении полутора веков колониальной истории английское влияние, как мы уже говорили, преобладало: большинство поселенцев были англичанами, классовая структура носила ярко выраженный английский характер, законы строились по английской матрице, теология шла от англиканской церкви и английских сект, формы образования имитировали английские образцы. То же можно сказать и об искусстве, стиле жизни, характере развлечений, преобладающей моде, судопроизводстве, церкви и прессе. Главные связи с миром пролегали для Северной Америки через Лондон.

В английской культуре XVII в. преобладают театр и изобразительное искусство. Художники. Висхер в 1616 г. запечатлел знаменитый «Глобус», в котором ставились пьесы Шекспира.

Важнейшей отличительной чертой собственно американской культуры в процессе ее становления стало следующее: осваивая новые территории, удаляясь от побережья в глубину континента, новое общество не знало самых существенных ограничений, определявших государственность и культуру Европы. Америка не знала феодализма. В Америке никогда не было титулованной аристократии, наследственных привилегий, строгой клерикальной иерархии, господства высших слоев во вкусах, привычках, зарождающихся традициях, Поэтому двери на вершину социальной лестницы в США с первых дней были открыты шире, чем в постфеодальной Европе.

Сказанное не означает, что в Новом Свете сразу же воцарились республиканские добродетели. Между прочим, этика пуритан высшими ценностями, наряду с трудолюбием, объявляла расчетливость, стремление к накопительству, восхищение богатством и презрение к бедности. В колонии Нью-Йорк, как и в старой доброй Англии, богатые землевладельцы имели в провинциальной ассамблее своих представителей или заместителей. Подобно замкам, стояли огромные дома вверх по Гудзону – их охраняли вооруженные афроамериканцы-рабы, здесь содержались маленькие армии, а их владельцы вступали в собственные договорные отношения с индейцами. Среди студентов Гарвардского и Йельского университетов наибольшим уважением пользовались вы-

ходцы из состоятельных семей. В церквях, как в англиканских, так и в других протестантских, отдельные группы верующих размещались в соответствии с общественным положением. Представители старых семейств Вирджинии могли заставить простолюдинов ждать начала службы в церкви до того момента, пока они не разместятся на собственных скамейках в храме.

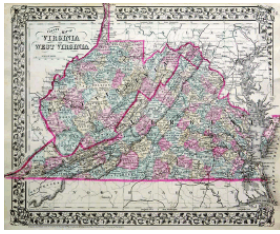

Старинные гравюры показывают, как выглядели простые горожане.

Общество оказалось стратифицировано по имущественному признаку, Образовалась своеобразная социальная иерархия, на вершине которой располагались крупные землевладельцы. За ними следовали свободные фермеры, жившие в отдалении от побережья – они составляли основу населения Новой Англии и срединных колоний. Фермеры все более продвигались на запад, южнее Вирджинии, Владель-

цы земель были часто неграмотны, но именно их битва за жизнь стала той неповторимой составляющей американской культуры, которая определила ее облик, складывающийся на границе освоенного и неосвоенного, естественного природного и окультуренного мира. В этой особой «пограничной» обстановке демократических идеалов и вкусов (неизбежных при постоянной взаимовыручке, в атмосфере которой жили фермерские кланы) складывался дух американских пионеров, влиявший на формирование новой культурной традиции.

Третий слой американского населения составляли свободные ремесленники и рабочие, жившие в городах. Их было меньше, чем фермеров, неукротимо устремлявшихся в леса и степи. К четвертому слою принадлежали несвободные сельскохозяйственные рабочие, уделом которых была черная работа. Часть из них находилась в рабстве временно, в перспективе был переход в третью социальную группу, другая часть работала на полях пожизненно, поколениями. На Юге страны это были рабы, принадлежащие хозяевам как имущество, по закону не подлежащее отчуждению.

Старинная карта Вирджинии

Плантаторы Юга

...В мае 1607 года три потрепанных штормами корабля под британским флагом бросили якоря в устье реки, получившей впоследствии название Джеймс. Люди, измученные четырехмесячным плаванием по бурному океану, ступили, наконец, на землю. Их изумлению не было границ. Как зачарованные, бродили они по берегу, усыпанному огромными устрицами. В небе проносились стаи невиданных птиц. В неоглядную даль уходили леса. Обширные поляны среди могучих дубов и величавых сосен были похожи на гигантские ковры, сотканые из ярких цветов.

Этой сказочно плодородной земле, которую пришельцы называли Вирджинией, суждено было стать первой английской колонией в Северной Америке. Исконные хозяева – индейцы, доверчиво встретившие европейцев, довольно скоро были оттеснены в глубь материка.

И Христофор Колумб, и Америго Веспуччи поначалу решили, что попали в Эдем – так очаровал их пейзаж нового континента. Веспуччи вспоминал, что здесь было огромное множество теплых источников и бесчисленное количество деревьев. Иногда нежный запах трав и цветов и аромат спелых фруктов и корней овладевал путешественником настолько, что он возвращался к мысли о том, что находится по крайней мере рядом с земным раем.

Колонизация, задуманная как привлечение прибылей в активы Лондонской и Плимутской торговых компаний, быстро переросла намеченные рамки. Из Европы на далекий континент устремились не только те, кто хотел вложить свой капитал в доходное предприятие, но и многие тысячи обездоленных и гонимых, для которых Новый Свет стал един-

ственной надеждой добыть средства к существованию или укрыться от религиозных, политических или юридических преследований.

Начиная со второй половины XVII столетия поток переселенцев еще более увеличился. Буржуазная революция в Англии и диктатура Кромвеля, затем реставрация Стюартов и, наконец, еще один государственный переворот (1688–1689 годов) – каждое из этих бурных событий порождало новую волну беженцев за океан. Сюда устремлялись и выходцы из других европейских стран.

Вслед за первыми двумя колониями – Вирджинией на юге и Массачусетсом на севере – возникли Мэриленд, Коннектикут, Род-Айленд и Нью-Гемпшир. Затем к ним прибавились Северная и Южная Каролина, Нью-Йорк, Пенсильвания, Делавэр, Нью-Джерси, Джорджия. Образовались они на кромке огромного континента, но вскоре перенаселенность побережья побудила людей двинуться дальше на запад, все более отгесняя индейцев.

В Вирджинии, где уже в 1670 году проживало 40 тыс. человек, движение на запад было весьма интенсивным. Оно стимулировалось как непрерывным притоком населения, так и особенностями развития сельского хозяйства в этой колонии. Благоприятные природные условия позволяли колонистам не только обеспечивать себя продовольствием, но и разводить табак, пользовавшийся большим спросом в Европе. Табак приносил немалую прибыль, а потому и стал с са-

мого начала главной сельскохозяйственной культурой Вирджинии.

Насколько быстро поняли вирджинцы выгоду возделывания табака, видно, например, из того, что уже в 1617 году им были засеяны даже улицы и рыночная площадь первого административного центра колонии – Джеймстауна. Одновременно это говорит и о том, что уже тогда переселенцам стало тесно вблизи устья реки Джеймс, где они первоначально обосновались.

Нехватка земель становилась все более ощутимой. К тому же табак в условиях хищнического ведения хозяйства быстро истощал почву. Поэтому его разведение в Вирджинии и других южных колониях постоянно требовало освоения новых территорий, что, в свою очередь, вызвало потребность в дешевой рабочей силе. Сначала широко применялся труд «законтрагованных» слуг, т. е. тех переселенцев, которые, не имея средств, в уплату за переезд в Америку давали письменное обязательство отработать на плантациях от двух до семи лет. А когда и этого оказалось недостаточно для удовлетворения потребности в рабочей силе, то стали завозить чернокожих из Африки. Чернокожие рабы были выгоднее, чем белые, так как они становились собственностью землевладельца и были обречены работать на хозяина всю жизнь.

Примерно так выглядели плантации на берегах Миссисипи. Помимо табака, распространенной культурой был хлопок.

Вирджиния тогда была самой большой американской колонией Англии и включала в себя территории, на которых в последующем возникло еще семь штатов – Западная Вирджиния, Кентукки, Огайо, Иллинойс, Индиана, Мичиган, Висконсин. Но основная масса населения в XVIII веке все еще жила вблизи побережья, тонкой струей растекаясь на запад и постепенно колонизируя новые земли.

Применение рабского труда привело к созданию крупных плантаций и обогатило их хозяев. На американском Юге возникла землевладельческая аристократия, сосредоточившая в своих руках основную часть освоенной территории, причем самую удобную – в прибрежной полосе, откуда сравнительно легко было переправлять табак и другую экспортную продукцию к океанским гаваням. В Вирджинии такую

аристократию представляли семьи Рендольфов, Маршаллов, Мезонов, Бирдов, Картеров и некоторые другие, составившие местную знать. Помимо доходов от плантаций, многие из них занимались весьма прибыльной спекуляцией землей.

По существовавшему тогда закону вся территория Вирджинии являлась собственностью английского короля. Губернатор предоставлял право пользования землей тем или иным лицам, а они, в свою очередь, передавали это право другим. Разумеется, за определенную плату. Так возник земельный бизнес. Одна из его особенностей состояла в том, что перепродавались участки, находившиеся в необжитых местах, и потому их освоение требовало огромных усилий. Причем мелкие фермеры, которым, в конце концов, доставались небольшие наделы, в сущности, перед лицом закона даже не были их владельцами, так как земля по-прежнему являлась собственностью английской короны.

При таких условиях основу благосостояния составляло общественное положение семьи, и чем выше находилась она на социальной лестнице, тем прочнее были ее «права» на приобретенную землю. Иначе говоря, и эта привилегия принадлежала лишь колониальной знати. Последняя резко выделялась среди основной массы поселенцев – выходцев из беднейших слоев иммигрантов. Даже в середине XVIII столетия в Вирджинии и ряде других американских колоний Англии примерно три четверти белого населения в настоящем или в прошлом были законтрактованными слугами.

Антирабовладельческой была деятельность миссионеров, которые строили небольшие поселки для индейцев, в которых учили аборигенов читать и писать, обращая коренное население Америки в христианство, препятствовали его истреблению. Вот почему миссии нередко разрушались. На современной реконструкции показан типовой план миссии.

Отработав положенный срок в качестве белых рабов, они устремлялись дальше на материк и оседали по берегам рек, служивших в условиях полнейшего бездорожья почти единственными транспортными артериями. Поскольку земель этим людям не жаловали, а для покупки участка у них не было средств, то они становились «скваттерами», самочинно захватывали незанятые участки без легального разрешения на собственность и работали на них, не уплачивая налоги.

Постоянные стычки с индейцами, оказывавшими мужественное, хотя и безуспешное сопротивление захвату принадлежавшей им территории, дополняли тяжелый труд, без которого невозможно было превратить в пашню почти сплошь покрытую лесами землю. Собственными руками удавалось освоить лишь весьма скромные участки, но основная масса поселенцев довольствовалась и этим, радуясь обретенной наконец возможности прокормить семью, сея пшеницу, кукурузу и разводя скот.

Добиться большего удавалось немногим. К таким в основном принадлежали фермеры из прибрежной полосы, которые отправлялись на запад в надежде увеличить свое состояние. Они имели некоторые средства, а иногда и немного рабов. Это давало им огромное преимущество перед вчерашними белыми рабами, так как позволяло покупать и осваивать более обширные участки и постепенно превращать их в солидные поместья, основой процветания которых становилось разведение табака.

Вот в такой социальной обстановке происходило становление американской культуры – *аристократической наверху, демократической в своем среднем составе, рабской в нижнем слое общества.*

Если культурные традиции в тех или иных кланах и присутствовали, то они являлись, как уже говорилось, европейским наследием. Причем в отрыве от метрополии, от новинок литературы и науки, получить достаточное по англий-

ским меркам образование оказывалось нелегко, а то и вовсе невозможно. Упомянем, что полковник Джефферсон (отец государственного деятеля) собрал небольшую библиотеку и в свободное от своих многочисленных дел время любил читать, причем Библии предпочитал сонеты Шекспира и сатиру Свифта. Он пришел к выводу, что сын его должен стать образованным человеком. На том же настаивали и домашний учитель, и некий пастор Дуглас, обещавший дать своим ученикам «классическое образование», хотя имел для этого явно недостаточно книг. За пять лет обучения Джефферсон-младший получил у Дугласа не более чем поверхностное знакомство с латынью и греческим, а также французским языками.

Юлиус Брутус Стимс. Фермер Джордж Вашингтон. Вашингтон владел 123-мя рабами

Если повнимательней взглядеться в личность буквально

любого из южан, впоследствии отличившихся в грядущей Войне за независимость Америки от Англии, то мы увидим, что они любили лучшее в одежде, рифленые рубашки, золотые украшения, прекрасные кожаные изделия, серебряные безделушки. «Пришли мне все, что в моде», – писал своему приятелю в Лондон молодой Джордж Вашингтон. Его обычай пить пять полных рюмок мадеры – хорошего, благородного вина – за обеденным столом был хорошо известен. Будущий первый президент обожал конские скачки и игру в карты. Его влекли также театр, цирк, петушиные бои, танцы и охота на лис. В течение 1768 года он двадцать девять раз приглашал гостей и семь раз был приглашен сам. Постепенно светские обычаи широко распространялись в молодом государстве. Южная столица – Чарльстон – привлекала музыкантов и лекторов. В театрах английские пьесы ставились наряду с местными сочинениями.

Колледж Уильяма и Мэри, одно из первых учебных заведений в американских колониях Англии, был основан в 1693 году. К тому времени в Вирджинии уже существовали десятки крупных имений. Их владельцы богатели, используя труд рабов, число которых достигало почти шести тысяч, и стремились во всем подражать английской знати. Подобно ей они желали дать своим сыновьям образование и потому отправили своего представителя, некоего Блейра, в Лондон за разрешением создать колледж. Эта просьба вызвала недоумение в английской столице, Королевский верховный про-

курор Сеймур удивленно спросил, зачем в Вирджинии нужен колледж. Блейр заговорил о необходимости «возвышать дух» поселенцев посредством образования. Легенда, впрочем, подтвержденная фактами, гласит, что прокурор был поражен. «Дух? – воскликнул он. – Лучше разводите табак!» Но так как подходящего предлога для отказа все же не нашлось, пришлось разрешение на постройку колледжа дать.

Колледж разместился в Вильямсбурге, ставшем административным центром Вирджинии. Это учебное заведение с самого начала значительно отличалось от европейских. В британских колледжах американского Севера готовили преимущественно проповедников. Здесь же, наряду с богословским факультетом, имелся и другой, где преподавали математику, физику, философию, историю, географию, литературу, юриспруденцию. Так реализовывалась мечта богатых вирджинских плантаторов – дать наследникам полноценное образование, не посылая их в Англию, не отрывая от земли, ее обычаев и параллельно прививая навыки ведения хозяйства.

В колледже Уильяма и Мэри единственными светскими профессорами были горячий приверженец идей европейского просвещения доктор Уильям Смолл, читавший лекции почти по всем упомянутым предметам, и убежденный антироялист Джордж Уайт, самый известный вирджинский адвокат, преподававший право. Доктор Смолл происходил из Шотландии, был профессором математики, человеком глу-

боких знаний в области большинства прикладных разделов науки. Помимо профессиональных достоинств, он обладал счастливым талантом общения, корректными манерами джентльмена, либерально настроенным умом. А Джордж Уайт стал одним из авторов знаменитой Декларации независимости США, того самого документа, с которого и начинается история Америки не как английской колонии, а как самостоятельного государства.

Усилиями преподавателей колледжа к любимым вирджинцами поэмам Гомера и Вергилия теперь прибавились Сократ, Плутарх и Сенека, Студентов восхищало учение Демокрита и Эпикура о счастье людей как цели философии и их атомистический материализм, разрушавший религиозные представления. Разбуженная мысль обращалась к современной философии, к Вольтеру, Монтескье, Руссо. Зачитывались сочинениями Бэкона, Ньютона и особенно «Опытом о человеческом разуме» Локка, ставшим уже тогда идейным путеводителем для идеологов демократического направления американской революции.

Колледж Уильяма и Мэри

Колониальные хронисты об основаниях американской культуры

Первыми, кто описал начальный этап развития культуры североамериканских поселений, принято считать Джона Смита, Уильяма Бредфорда и Джона Уинтропа, которые стояли во главе прибывших из Англии поселенцев и фиксировали на бумаге все, что видели. Вчерашние европейцы несли с собой опыт и традиции историографии Старого Света. Хронисты-проповедники опирались, в частности, на опыт монастырских летописей средневековой Европы. Их хроники представляли собой совокупность волнующих эпизодов, природоописания и географических маршрутов.

В первые полтора столетия качество и уровень зрелости исторических сочинений определялись во многом литературным мастерством их авторов. Попытки истолкования событий исходили главным образом от теологов и уж, во всяком случае, находились в рамках концепции воздействия Провидения и высшего разума на человеческую жизнь. Ранние американские хроники и путевые отчеты написаны преимущественно для европейских читателей. Непременной частью этих записей были сведения о наилучших морских путях, воспроизводилась линия морского побережья с указанием удобных гаваней и мест впадения рек, описывались климатические условия, качества почвы, флора и фауна. Пре-

подносились советы об обращении с индейцами. Почти каждый автор считал необходимым высказать свои соображения о наилучшей политической и экономической организации поселений. Все это свидетельствует о том, что первые исторические сочинения колониального периода были созданы с чисто практическими целями.

Сам факт быстрого появления творений Смита, Уинтропа и Бредфорда указывал на то, что ими руководил интерес не строго исторический. Записки первых переселенцев были адресованы не соседям, занятым трудной борьбой за существование, а той аудитории, которая за океаном ждала известий из колоний. Отчет о ходе освоения новых земель читали пайщики Лондонской и Плимутской компаний. И вывод, который следовал из писаний Смита и его коллег, был недвусмысленным: колонии нуждались в новых поселенцах и в новых средствах.

Покахонтас спасает жизнь капитану Смитту.

Капитан Джон Смит (подробнее о хрониках Бредфорда и Уинтропа см. ниже, в гл. II), открывший перечень летописцев североамериканских колоний, входил в тот круг полукупцов-полупиратов, который выдвинулся во время правления Елизаветы. Он находился на службе у колониальных компаний, вначале у Виргинской, а после разрыва с ней – у Плимутской. Последние шестнадцать лет своей бурной жизни, вплоть до смерти в 1631 году, капитан Смит, возвратившись в Англию, занимался литературным трудом.

Как исторический писатель Джон Смит известен краткой хроникой с длинным названием: «Истинное повествование о достопримечательных событиях и происшествиях, случившихся в Вирджинии со времени учреждения этой колонии». В своем сочинении Смит описывал отчаянное положение

Джеймстауна, отмечал скупость и алчность пайщиков компании. Значительное место в тексте отведено взаимоотношениям поселенцев с местными племенами.

Трудности, о которых автор рассказывал, описывая рост колонии, велики, но Смит уверял, будто эти тяготы существовали лишь вначале. По прошествии лет новопоселенцу, по его словам, гарантировано богатство. Смит откровенно писал, что далек от мысли, будто какой-либо другой мотив, кроме обогащения, мог побудить коммерческие компании раскошелиться и создать новые фабрики. В заключении к своей книге автор выражал надежду на будущее процветание Вирджинии и подчеркивал, сколь прибыльно для Англии торговать с нею.

Другое сочинение Смита – «Описание Новой Англии» – имеет более спокойный тон. Здесь перед автором не стояли задачи самооправдания или рекламы, как в «Истинном повествовании...». В 1621 году Совет Вирджинии в Лондоне пригласил капитана Смита написать полную историю колонии. Он охотно согласился, став на путь компиляции своих же прежних изданий и широко используя труды других авторов. В результате написанная им шеститомная «Общая история Вирджинии» свидетельствовала о богатой фантазии автора и об отсутствии у него излишней скромности. Собственно авторское начало присутствует лишь в сравнительно небольшой части текста: остальное место занял пересказ всевозможных историй, сохраненных и приукрашенных па-

мятью первых поселенцев.

В любом случае Смиту удалось запечатлеть основание английского колониального предприятия в Америке. Его работа представляет собой письменный памятник долгой и упорной борьбе колонизаторов-американцев за существование, зарождению у них стойких культурных оснований в самом начале пути.

Американские колонии Англии возникли в контексте складывающегося в Европе XVII века западного буржуазного общества, основные элементы которого к этому времени были уже налицо. За полтора столетия Вирджиния и другие области значительно продвинулись в развитии экономических отношений. Основным занятием населения по-прежнему оставалось сельское хозяйство. В южных колониях – Вирджинии, Мэриленде, Северной и Южной Каролине, Джорджии – утвердилась плантационная система, основанная на применении труда рабов-афроамериканцев.

Параллельно закладывались основы правовой системы будущего независимого государства. Так, например, в Вильямсбурге отчетливо определились две адвокатские школы. Одна из них, признанным руководителем которой был известный юрист Пендлтон, стремилась воздействовать на судебный процесс, обращаясь скорее к чувствам, чем к рассудку членов суда и зрителей процесса (большинство судебных заседаний в те годы являлись открытыми). К числу адвокатов этого направления, блиставших красноречием, пред-

почитавших страсть логике доказательств, принадлежал, в частности, и один из будущих трибунов революции – Патрик Генри. Другая школа стремилась к рациональной аргументации.

Контрольные вопросы

- 1. Наследие каких народов повлияло на становление американской культуры?*
- 2. Каково влияние социальной стратификации на культуру формирующегося американского общества?*
- 3. Труды каких первых американских хронистов легли в основу истории американской культуры?*

Глава вторая

Нация пуритан

Новая Англия

Шекспир в «Двенадцатой ночи» выводит образ пуританина Мальволио, про которого другие персонажи говорят, что его святость препятствует наличию в мире пирогов и хмельного пива. Примерно в такой логике рассуждала Англия Кромвеля, которая с увеличивающейся настойчивостью посылала своих представителей в Северную Америку, вытесняя оттуда голландцев, шведов, испанцев и французов: чем больше окажется в колониях британских ревнителей морали, непригодных в английском обществе, тем больше прибылей получит метрополия. Этические нормы пуритан были жестоко высмеяны и каленым железом выжжены в Европе, однако за океаном их носители оказались беззаветными «отцами-пилигримами». И, в конечном счете, хотя пуритане и ушли с дороги европейского культурного развития, они сохранили за собой положение *основателей американской культурной традиции*.

Долгое время правление пуритан в Америке изображали как некое варварство, их идеологию – как глухой религиозный дурман, а исторические подробности мало кого ин-

тересовали. Неизвестность в значительной мере развеял исследователь Шоулз, выпустивший в 1962 году капитальное исследование *пуританской культуры*. Пожалуй, эта массивная книга под малообещающим названием «Пуритане и музыка» служит лучшим исследованием влияния реформаторов англиканской церкви на американскую культуру. Шоулз рассмотрел все аспекты культурной жизни формирующегося американского общества: музыка, поэзия, отношение к жизни, интеллектуальное осмысление бытия – все это находило здоровое обоснование в новом церковном учении, которое (как и в немецком лютеранстве) декларировало необходимость освобождения от прежних религиозных стереотипов.

Пуритан представляли себе по-разному, но обязательно они выглядели либо чересчур мрачными, либо слишком смешными. Так, например, строил образ пуританина замечательный советский артист Н. А. Светловидов (1889–

1970), исполнявший роль Мальволио.

Э. Хикс. Уильям Пени легализует право на владение индейскими землями. Нач. XIX в.

Шоулз убедительно доказывает, что нарочитая суровость законов штата Коннектикут – скорее легенда, чем историческая истина. В реальности подобного кодекса никогда не существовало. Пуританская культура была построена на иных, гораздо более привлекательных основаниях: суверенность, законность, странное сочетание покорности и мятежности духа, уважение к науке, восхищение природой, приверженность истине, склонность к умеренным удовольствиям, уважение к разуму, справедливости, милосердие как норма жизни... Все эти черты при детальном исследовании мы обнаруживаем в мировоззрении пуритан, высадившихся в Массачусетсе и Коннектикуте. Безусловно, в нем присутствова-

ли и отрицательные начала, особо отмеченные сторонниками англиканской церкви, но далеко не только они одни.

Культурная жизнь пуритан *не пропала* за мрачным религиозным рвением. Напротив, они были готовы к идеологической и религиозной битве и с яростью и страстью вели ее – об этом свидетельствуют тысячи памфлетов и расширенных проповедей, публиковавшихся в североамериканских колониях Англии. Во многих отношениях это складывающееся мировоззрение было проявлением едва ли не лучших черт западного разума.

Интересно, что лучшие представители западной культуры именно в Америке реально и практически встретились с пониманием неразрешимости жизненного конфликта. И дело не в людском невежестве или извращенности, а в том, что по природе своей человеческие желания и надежды порождают противоречивые идеи, которые нельзя привести к общему знаменателю некой умозрительной всеобъемлющей системы миропонимания или единообразия.

Уже говорилось, что известным хронистом Новой Англии был Уильям Бредфорд. Он происходил из семьи английского фермера и уже в ранние годы связал свою судьбу с гонимой церковью пуритан. В вынужденной эмиграции на континент, в Голландию, и в последующем переселении пуританской общины в Новый Свет Бредфорд, видимо, играл значительную роль. Он стал вторым губернатором Нового Плимута и занимал этот пост в течение тридцати лет. «История

плимутского поселения» Бредфорда охватывает период от 1620 года, когда корабль «Мэйфлауэр» доставил поселенцев к долгожданным берегам, до 1646 года.

Книга послужила важным источником для более поздних историографов. Форма и стиль повествования предельно лаконичны. Возвышенные настроения автора, его покорность воле Провидения вылились в суровый рассказ, звучащий большим контрастом пышным описаниям Джона Смита, Скупыми словами повествует Бредфорд о поисках места высадки, о выборе побережья залива, открывшегося за мысом Код, о первых днях нового поселения. Ему вполне хватает красок для передачи трагического пафоса первой зимовки, Он пишет, как умирали люди – иногда по двое, по трое в день, как из ста с лишним человек осталось в живых меньше пятидесяти. Болезни и голод держали общину в крайнем напряжении: мужество первых поселенцев подлинно и не нуждается в приукрашивании. Рассказывает Бредфорд и о встрече с индейцами, вдохнувшей надежду в отчаявшихся обитателей Нового Плимута. Говорит о первых шагах здешнего сельского хозяйства и замечает, что в неурожайные годы колонисты научились заниматься морским промыслом.

Уильям Бредфорд

Бредфорд знакомит читателя со многими сторонами жизни в колонии. Он обсуждает вопрос о новом пасторе, делится впечатлениями о поездках в глубь континента, осуждает торговлю оружием с индейцами, обнаруживает на удивление терпимое отношение к «еретику» Роджеру Уильямсу, изгнанному из колонии за свои религиозные убеждения.

Негодованием полны строки Бредфорда (столь бесстрастно, безропотно писавшего о гибели половины общины в первую страшную зиму), когда он говорит о неистребимой суетности человеческого разума. Как проницательный наблюдатель, он видел опасности, которые таит будущее. Глава плимутского поселения напоминал тем, кто уклонялся от исполнения заветов отцов и отказывался от безусловного подчинения, о пуританском наследии и грозил карой небесной. Его страшил распад пуританской церкви на враждующие секты, он пытался заострять внимание единоверцев на

общем и объединяющем, подавлять попытки сепаратизма.

Третьим известным хронистом раннего периода, как уже говорилось, является Джон Уинтроп. В течение девятнадцати лет этот бывший английский аристократ находился у руля управления колонии и многим способствовал ее росту. Уинтроп имел юридическое образование и являлся последовательным теоретиком пуританства. Ему представилась возможность претворить свои теории в жизнь в качестве губернатора Массачусетса. Его дневник этого периода получил сокращенное название «История Новой Англии с 1630 по 1649 год».

Джон Уинтроп

Записки Уинтропа – менее связное и цельное повествование, чем хроника Бредфорда; по общему мнению, они уступают первым также и в литературном отношении. В оправда-

ние несовершенств рассказов Уинтропа ссылаются на его повседневную занятость, исключавшую возможность детальной обработки материала и настойчивого чисто литературного труда. Впрочем, ежедневные записки, носящие характер отчета, имеют и некоторые достоинства. Перед читателем встает картина тягот первых лет существования колонии, он знакомится с конкретной деятельностью группы пуритан, организовавших массовую миграцию своих единомышленников в Новый Свет. Первым жителям берегов залива Массачусетс пришлось победить голод, холод, болезни, ностальгию и внутренние раздоры. Стоило колонии подняться на ноги, как начался ропот, направленный против главенствующих лиц.

Уинтроп фиксирует и значительные, и мелкие, попавшие в поле его зрения эпизоды. Как губернатор он был занят большим кругом вопросов, ему приходилось интересоваться всеми сторонами жизни поселения. Он организовал регулярное почтовое сообщение между метрополией и колониями, между южными поселениями Вирджинии и колонистами Массачусетса, завязал отношения с Вест-Индией. В частности, его беспокоили требования поселенцев увеличить плату за свой труд: это неизбежно отозвалось бы ростом цен на колониальные товары, и поэтому Уинтроп установил твердые заработки для представителей разных профессий.

Главной заботой губернатора Массачусетса – прежде всего пуританского лидера – продолжает оставаться борьба за

единство единоверцев, Причем в этой борьбе для него хороши, кажется, все средства. Скажем, Уинтроп оправдывал гонения на квакеров и другие секты тем, что они подрывали это единство, а бедствия вирджинцев подавал как Божье наказание за изгнание пуританских проповедников.

Хроники Бредфорда и Уинтропа имеют общие черты: с одной стороны, это желание убедить читателя в исключительности миссии их церкви в «земле обетованной», с другой – стремление оградить общину от раскола рассказом об общих тяготах, общем наследии. Такая линия главенствовала в созданной пуританами историографии со времен «отцов-пилигримов» до конца XVII века.

Автором первой печатной истории Массачусетса был Эдвард Джонсон – соратник начинаний Уинтропа, но личность менее значительная, Его «Чудотворное Провидение Сионского Спасителя в Новой Англии» вышло в свет анонимно в Лондоне в 1654 году. Эта хроника значительно уступает предыдущим. Свои фанатические религиозные воззвания автор обращал к критикам «евангельского порядка по слову Божию» в Новой Англии и к диссидентам типа Анны Хатчинсон, первой женщины-проповедника в Новой Англии и, по сути, провозвестницы феминизма. Частые риторические отступления делают чтение хроники Джонсона трудным. Не занимая ответственного поста, подобно Уинтропу или Бредфорду, писатель не сумел увидеть и показать панораму общего развития колонии.

Во второй половине XVII века повышенный интерес к становлению американской культуры проявил основанный здесь в 1636 году Гарвардский колледж, а затем и университет. Уильям Хабберд, выпускник Гарварда, написал историю Новой Англии. Но его книга не удовлетворила пуританских ортодоксов. Натуралистическое толкование многих моментов, отказ изобразить Новую Англию «землей обетованной», сквозящее между строк нежелание видеть в каждом случае непосредственное вмешательство Провидения лишили Хабберда поддержки пуританской олигархии. Хотя он получил свой гонорар (книга писалась по заказу), его труд увидел свет лишь много лет спустя.

Задачу отстаивать «истинное учение», пользуясь примером североамериканских колоний, взял на себя один из столпов теократии – Инкриз Мазер, когда-то бывший в числе первых выпускников Гарварда. В свое время он находился в рядах армии Кромвеля, а по возвращении в Массачусетс занял место президента Гарвардского университета. Как воплощение пуританской учености он преподнес общине свою точку зрения в сочинении под названием «Краткое описание положения Новой Англии от основания этой колонии до настоящего времени». Этот опус имел форму письма английскому другу Мазер останавливал внимание на том, что переселенцы появились в «пустыне» Новой Англии по зову своей религии и благодаря ее поддержке подчинили себе индейцев и природу. Памфлет – а именно такой характер носит

небольшой по объему труд Мазера, – кроме паствы, адресуется и лондонскому правительству Инкриз Мазер отмечал, что успехи сыновей истинной церкви в Америке приносят немалый доход королевской казне.

Не удовлетворенный предшествовавшими хрониками, Мазер призывал к созданию «первой подлинной истории Новой Англии». Эту задачу взялся выполнить его сын – преподобный Коттон Мазер.

Инкриз Мазер

Выходец из Бостона, Коттон Мазер был человеком необычайной учености и энергии. Именно его восприимчивость к жгучим проблемам современности привела к победе поселенцев над эпидемией оспы, к установлению регулярных отношений с индейскими племенами. Он воспитал в поселенцах Новой Англии чувство исторической полноценности,

ощущение собственного участия в глобальном цивилизационном процессе наравне с британской прародиной, заглушил убогий провинциализм и восславил возможности разума. Ко времени его смерти (1728), верные его заветам, жители американских колоний утвердились в понимании собственной причастности к общецивилизационному развитию Запада.

В 1702 году из-под пера Мазера-младшего вышло сочинение «Духовная история Новой Англии», изданная в Лондоне. Мазер начинал книгу библейскими пророчествами о заселении американских земель. Свои взгляды автор изложил в предисловии, в котором подчеркивал, что во всех исторических сочинениях первое место следует отдавать истории церкви, а не светских институций. Религиозное рвение Коттона Мазера достигло апогея в главе «О чудесах невидимого мира», где этот университетский эрудит выступал с оправданием печально знаменитой массовой «охоты на ведьм» в Салеме.

Средневековый фанатизм проступает и в главе «О божьих войнах», Здесь Мазер клеймит всех отступников, призывает кару небесную на новые религиозные секты, оправдывает гонения на еретиков и безжалостное истребление индейцев. Подлинное уныние вызывает у Мазера безразличное отношение современников к борьбе за чистоту нравов и торжество истинной веры. В заключительных абзацах своей громоздкой истории он находил главную опасность не где-нибудь, а в размягченных сердцах сограждан, которые готовы

смириться с неизбежным в таком случае вырождением. Надеясь на Бога, Который Один знает, что будет в итоге со страшной, Мазер тем не менее не удерживается от меланхолии.

В книгу «Духовная история Новой Англии» включены биографии проповедников, описаны войны с индейцами, в ней приведены все очевидные для автора свидетельства «вышнего вмешательства». Повествование ведется в неизменно наставительном тоне. Труд Коттона Мазера был последней попыткой удержать расходящееся по побережью пуританское население общими догматами и памятью о деяниях отцов. С этой целью автор использует любые аргументы – как земные, так и «небесные». В некотором смысле это был последний бой ортодоксального пуританского священства за унитарную Новую Англию.

Коттон Мазер

Вместе с тем стоит особо подчеркнуть, что И. Мазер и К.

Мазер вошли в историю как организаторы «охоты на ведьм» в Салеме в 1682 году. По обвинению в колдовстве (закон, позволяющий применять против ведьм смертную казнь, был принят в Массачусетсе в 1641 году и явился, таким образом, американской версией законодательных актов католической Инквизиции) были повешены девятнадцать человек, а восьмидесятилетний старец – забит камнями. Около сотни подозреваемых в колдовстве (среди них и дети) были брошены в тюрьму. Надо сказать, что Коттон Мазер издал особый труд, посвященный распознаванию ведьм и способам борьбы с ними.

В 1701 году Инкриз Мазер – живое воплощение пуританизма в его крайней, фанатической форме – был вынужден оставить пост президента университета. Это событие знаменует начало конца пуританской теократии в Новой Англии. Продолжатель дела отца, К. Мазер был одним из последних представителей религиозной элиты, которая без малейшего сомнения ссылалась на перст Божий в объяснении любого факта истории Америки.

XVIII век предложил свою версию толкования прошлого, свою концепцию формирования американской культуры. Наряду с традиционными историографами – священниками, во всем видящими волю Провидения и осуществление «божественного промысла», – теперь за перо взялись представители новых сил, рождающихся в колониях: плантаторы, адвокаты и другие представители светских профессий.

Так, например, дневник Сэмюэла Сьюолла, написание которого относят к 1673–1729 годам, отразил происшедшие в Америке изменения. Видно, что суровые проповеди, постоянно встречающиеся на страницах Бредфорда и Уинтропа, оказываются уже неуместными, «несовременными». Практичность и деловитость Сьюолла, главного судьи Массачусетса, явились показателями новых веяний. Достаточно сказать, что Сьюолл единственный из трибунала признал несправедливость салемского приговора, а в качестве судьи всегда выступал за возможно более гуманное отношение к индейцам и неграм.

Образ жизни

Оптимальным подходом к рассмотрению картины культурного развития американских колоний до завоевания независимости является выделение трех отчетливо обозначившихся регионов – пуританской Новой Англии, принадлежавшего лендлордам Юга и торговых срединных колоний. В каждой из этих областей культурное развитие имело, безусловно, ярко выраженную специфику.

Поселенцев в Новой Англии изначально было немного, но уже первые сто человек образовали плотно спаянную коммуны. Они были своего рода воском в руках своих религиозных лидеров. Однако нельзя забывать, что именно пуритане принесли на новый континент культурную *доктрину равен-*

ства для всех.

В первые годы после прибытия новопоселенцев на «Мэй-флауэре» в Америку (1620) и учреждения праздничного Дня Благодарения в честь благополучного исхода путешествия пуритане еще не порывали связей с единоверцами, оставшимися в Англии. Люди, идеи и страсти путешествовали по океану в обе стороны. В этом смысле американская Новая Англия еще практически ничем не отличалась от Старой Англии.

Явлением огромной важности для формирования американской культуры явилась роль пуританизма как первого радикального движения, с самого начала возобладавшего в северных американских колониях. И поразительно то, что свое американское «приключение» первопоселенцы начали с подписания специфического «социального контракта», основанного главным образом на церковных установлениях. Поколение Кромвеля проявило себя на новых территориях с той же жесткостью, если не жестокостью, с которой оно в самой Англии отвергало «легкомысленный» блеск предшествующей елизаветинской эпохи – времени британского Ренессанса. По субботным и праздничным дням никто не смел и пальцем пошевелить, чтобы сделать какую-нибудь полезную работу – вся община дружно слушала Библию. В семнадцатом веке никто не посмел бы открыть поблизости от Бостона театр. Пьянство и адюльтер приравнивались к смертным грехам.

Послабления наступили после 1691 года, когда в Америку хлынули преследуемые в Европе пресвитериане и гугеноты. Постепенно – к восемнадцатому веку – волна католиков, шотландцев и ирландцев, ослабила «дисциплину субботы», открыла возможности, например, для продажи рома. В основной законодательной хартии появилась статья, согласно которой наличие собственности, а не принадлежность к пуританской церкви стало условием получения права голоса, а значит, и гражданства.

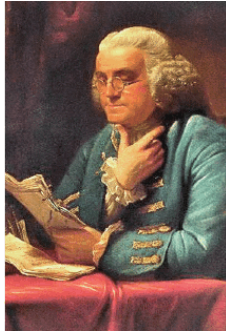
Обладающие завидной родословной и материальным достатком южные семьи жили в абсолютно иной атмосфере. Радостное восприятие жизни, неукротимое стремление не отстать от моды, подражание лондонцам в стиле жизни и мировоззрении делали крупные родовые гнезда лендлордов очагами европейской культуры, в основном светско-гуманистической и, во всяком случае, далекой от религиозного фанатизма. Здесь процветала охота на лис, танцы, питейные соревнования, скачки, петушинные бои, азартные игры. Различие двух регионов молодой Америки объяснимо. На Юге высокая культура расцветала благодаря дешевому труду рабов, на Севере гигантские усилия ради выживания ставили под сомнение саму возможность легко и без натуги решать все жизненные вопросы.

Третий тип адаптации к колониальным условиям жизни представляют собой срединные колонии, выросшие вокруг Филадельфии и Нью-Йорка. Тон здесь задавали квакеры –

английские сектанты, отрицавшие церковные таинства и священство, настаивавшие на возможности союза человека с Богом безо всяких посредников, говорившие о необходимости нравственной чистоты, ненавидевшие войны, стремившиеся деятельно помогать ближнему. Квakerы создали эталон простой и мудрой жизни, в которой нравственное совершенствование ценилось выше, чем осознание собственной греховности, как на Севере. Веление внутреннего света, горящего, по мнению квакеров, в каждом человеке, значило для них больше, чем суровые ограничения. В каждодневной жизни квакеры избегали танцев и шумных увеселений, но не осуждали их у своих южных соседей или в собственных растущих городах. Идеалом квакеров также было равенство; но в своем спокойном и человечном обращении к Богу они не походили ни на истовых пуритан Новой Англии, ни на поглощенных модными идеями вирджинцев. Проповедуемое ими уважение к инакомыслящим много значило для становления американской культуры и цивилизации.

Квакерская столица Филадельфия стала центром религиозной терпимости и благоразумия. Здесь была создана первая в Америке библиотека, первый юридический журнал, первая медицинская школа и госпиталь. На всей обширной территории североамериканских колоний Филадельфия явилась научным центром, в котором изучались естественная история, астрономия, математика, физика. И бежавший из Новой Англии Бенджамин Франклин недаром избрал в

качестве места своего проживания «город братской любви» – Филадельфию. Тогда-то она и стала культурной и духовной столицей североамериканского мира.

Бенджамин Франклин

К началу восемнадцатого века жизнь колоний была колоритным смешением высокого и низкого, высокоумного и примитивного – к такому мнению приходили путешественники, навещавшие заокеанские владения Британии. На полках библиотек южных плантаторов стояли редкие французские книги. Элегантность царила на званых филадельфийских обедах. В Бостоне смело рассуждали о мировых проблемах. В то же время фермеры, пионеры осваиваемых глубин континента, существовали едва ли не в первобытных условиях, и задача выжить исключала даже намеки на культурную рафинированность, характерную для усадеб патри-

циев атлантического побережья.

Как уже говорилось, образцом высокой культуры служила Англия – имеется в виду прежде всего Англия XVII века, эпохи буржуазной революции, свергнувшей короля, но лишь утвердившей власть Бога. А это означало, что первой отвлеченной дисциплиной в школах и нарождавшихся колледжах была теология.

Британия дала Америке отправную точку культурного развития – в аспектах социального устройства, политической организации, основных культурных устремлений. Но местные обстоятельства сразу же начали оказывать свое мощное воздействие, модифицируя и изменяя первоначальные установки. Разумеется, основой идейного развития колоний долгое время служило богословие. Священники еще вели свою паству, выступали судьями, являлись авторами книг, учителями школ и колледжей, интерпретаторами главных проблем североамериканской жизни и основными авторами законов. На полках старых библиотек стояло внушительное число трактатов о первородном грехе и наказании грешников.

Однако постепенно, в дальнейшем, теологическая продукция в значительной степени утрачивала влияние на культурную жизнь Америки. Некоторые религиозные авторы начали говорить о самом брэнном мире, и эта линия имела несомненное продолжение в книгах об индейцах, о предотвращении кораблекрушений, о ведении боевых действий. И

хотя американская литература, философия, общественная мысль приобретали все более ярко выраженный светский характер, все же исторически сложилось так, что у основания ее стояли священники.

Проповедники и судьи

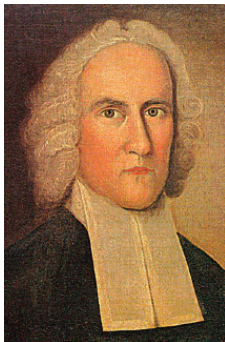
Последователи англиканской церкви на юге, в Вирджинии, ревностно сохраняли основы своей веры; французы на севере и западе, как и испанцы в Мексике и Южной Америке, были преданными католиками. На родине они не смели протестовать против воли и мнения своих епископов, против эксцессов Инквизиции, против могущества иезуитов. В Англии они оставили ненависть короля Якова (Джеймса) I, пообещавшего «вышвырнуть их из страны». Впереди горели костры в селениях пока еще мирных, не ожидавших вторжения индейцев, маячила угроза вымирания неприспособленных к местным условиям европейцев от голода, Но и виделась перспектива жизни без епископов.

Исподволь созревавшее желание представителей разных народов обрести свободу вероисповедания никак не преуменьшает заслуг третьего президента Америки, автора Декларации независимости Томаса Джефферсона, юриста и общественного деятеля Патрика Генри и борца за суверенность страны Сэмюэла Адамса. В культурном коде Новой Англии четко просматривается основа американского национально-

го мифа – представления о должном образе жизни, полные выпуклых образов и ярких сцен приспособления иммигрантов к новым условиям.

Достоинным продолжателем провозглашенной Мазером идеи самоутверждения юной американской нации явился выходец из Коннектикута Джонатан Эдварде, Эта интеллектуальная звезда Йеля сочетала темперамент необычайной силы с глубинным анализом явлений и процессов, захвативших североамериканские колонии в XVIII веке.

Теологические работы Эдвардса читали от Голландии до Бейрута, где его книги в XVIII веке переводили на арабский язык, Благодаря Эдвардсу Америку перестали рассматривать как окраину мира; за страной начали признавать особый статус и достоинство. Не стоит забывать, что всем этим Америка обязана своим великим проповедникам, образованность и страстность которых опровергали представления о «провинциальности» заокеанских жителей. Позднее Фихте назвал Эдвардса самым оригинальным мыслителем страны.

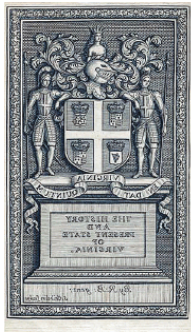
Джонатан Эдвардс

Разумеется, это была еще «донаучная» стихия теологического теоретизирования. Но, тем не менее, неистовые теологи заставляли работать типографские машины североамериканских центров учености, побуждали европейцев с уважением вчитываться в написанные здесь произведения, утверждая положение американцев в авангарде великого века Просвещения. И, в конечном счете, для становления Америки стал важным не чудовищный всплеск фанатизма, действительно имевший место, а дух рассудительности и практицизма, участие всех прихожан в обсуждении безграничного спектра вопросов, от религиозных до сугубо практических. В конце концов, массачусетские судьи были не большими фанатиками, чем их современники Генрих VIII в Лондоне и Кальвин в Женеве, не говоря уже об эксцессах испанской Инквизиции. Важно отметить, что судьи Новой Ан-

глии достаточно быстро остановили поток обличений и приговоров, например, в процессах «ведьм», найдя в себе смелость оправдать абсолютное большинство заподозренных в колдовстве и тем самым заложив основы толерантности, которая стала значить в Новом Свете больше, чем при дворах феодальных владык Европы.

Культура печатного слова

Показательной с точки зрения «новых тенденций» была «История Вирджинии» Роберта Беверли, появившаяся в 1705 году, и особенно ее второе издание (1722 год). Вирджинский аристократ, много путешествовавший по Европе, Беверли писал на хорошем континентальном уровне. При этом он враждебно относился к большинству губернаторов колонии и симпатизировал индейцам: его аргументированные мнения звучали диссонансом уже установившейся традиции, «История Вирджинии» Беверли отличается критичностью взгляда. Заказ на книгу был сделан придирчивым лондонским издателем, чей скепсис усилил недоверие Беверли к ранним хроникам.

«История Вирджинии» Роберта Беверли

Остин-холл Гарвардского университета

Подобным же светским духом характеризуются сочинения другого богатого вирджинца – Уильяма Бирда, владельца крупнейшей в колонии библиотеки в четыре тысячи томов. Его версия основания Джеймстауна в «земле обетованной» звучит иронически: он говорит, что новопоселенцы, как истинные англичане, сначала построили простенькую церковь, которая обошлась в пятьдесят фунтов стерлин-

гов, а сразу же после – таверну стоимостью в пятьсот.

«История пограничной линии» Уильяма Бирда была создана на основе личных наблюдений автора, члена комиссии по размежеванию Вирджинии и Северной Каролины. Бирд олицетворял аристократическую верхушку штата. Его презрительное отношение к скваттерам – свидетельство его однозначной классовой позиции. Бирд хорошо знаком с жизнью южных колоний. И сколько бы он ни иронизировал по поводу менталитета соотечественников, его собственное мировоззрение остается истинно английским: недаром он бросает взгляд на Запад, недаром его беспокоит продвижение французов вниз по долине Миссисипи.

Имперская политика увлекала и губернатора Нью-Йорка Кедволадера Колдена, автора книги «История пяти индейских племен». Автор развивал идею союза с ирокезами в борьбе против притязаний французов на западные территории. Попутно он пропагандировал выгоды пушной торговли.

Спустя девять лет, в 1736 году, воспитанник Гарвардского университета Томас Принс опубликовал первый том «Хронологии Новой Англии», Появление этого труда ознаменовало важный шаг в изучении прошлого колоний. Ценным качеством работы Принса было скептическое отношение к сведениям предшественников. Это позволяет говорить о нем как о зачинателе критического направления. Впрочем, новаторство Принса должно быть принято с определенными оговорками. Как и авторы средневековых европейских хро-

ник, он выстраивал свое повествование от сотворения Адама и, лишь пройдя долгий «библейский» путь до Колумбова открытия, принимался описывать факты истории Северной Америки. Он помещал в книгу лишь те события, достоверность которых ему казалась несомненной. Получившаяся хронологическая таблица содержала минимум комментариев.

У современников Принс успеха не имел: он не оправдал ожиданий своих подписчиков: «Хронология Новой Англии» показалась им лишь тщательной переработкой известных трудов, последовательностью скрупулезно отобранных и выстроенных выдержек из текстов предшественников. Труд Принса остался незаконченным, но он положил начало внимательному и поступательному обзору происходившего. Его заслугой было также включение американской истории в общую цепь мировых событий.

К середине XVIII столетия усилилось внимание к изучению истории Юга со стороны ученых вирджинского колледжа. Глава колледжа Уильям Стит, священник с европейским образованием, в 1747 году опубликовал «Историю первоначального открытия и заселения Вирджинии». По уровню исследования источников сочинение Стита занимает особое место среди колониальных анналов. Он подал историю Вирджинии с точки зрения английских вигов – либералов, извечных противников королевской власти и политической партии тори, приверженной короне. Стит представил про-

шлое Вирджинии как осуществление гражданских свобод, как постоянную борьбу за восстановление древних конституционных прав англичан против узурпации со стороны короля и амбициозных губернаторов. Автор вирджинской истории был невысокого мнения о предшествующих исторических сочинениях.

Описанием жизни в колониях занимались также Джон Каллендер из Род-Айленда, Уильям Смит из Нью-Йорка и Сэмюэл Смит из Нью-Джерси.

Экономическое и социальное развитие Северной Америки, приведшее к становлению класса буржуазии, равно как участие в совместных военных действиях против французов и испанцев, вызвало к жизни объединительные тенденции, выразившиеся, в частности, в склонности нового поколения историографов рассматривать развитие колоний в целом, как единого организма. Показательна в этом контексте книга Уильяма Дугласа – двухтомник «Общий исторический и политический взгляд на Британские колонии в Америке», в котором сделана по существу первая попытка дать общий обзор всех английских владений за океаном. Этот труд выходил отдельными выпусками в течение пяти лет, с 1747 по 1752 год. В намерение Дугласа входило посвятить каждой колонии отдельную главу, снабдив книгу топографическим описанием и завершив ее политическим и коммерческим прогнозом. Но он не сумел осуществить свои замыслы. Несмотря ни на что, попытка дать обобщенную картину на-

рождающегося союза колоний, как и ряд важных сведений экономического и социального характера, сохраняет за трудом Уильяма Дугласа определенные достоинства.

Первым стимулом исторических описаний Америки было стремление привлечь на новые земли поселенцев и капиталы. Преследовались также информационные цели – рассказ о новом мире и попытка защиты укоренившейся структуры колониальной администрации. Все это диктовало и выбор частных тем, и угол зрения на описываемые события.

В дальнейшем рост стремящейся к власти американской буржуазии потребовал идеологического оправдания ее претензий. Это предопределило наступление нового этапа в американской историографии.

Религиозное ожесточение

Можно сказать, что на некоторое время в Америке установилось равновесие между тремя основными мировоззрениями. Однако благостное восприятие мира оказалось недолговечным. Если победившие в Англии сторонники пуританина Оливера Кромвеля, свергнувшие короля, вступили в период пусть относительной, но все же стабильности, который продлился до смерти Кромвеля в 1658 году, то их американские единоверцы оказались во власти прежде всего внутреннего ожесточения: принципы жизни становились все жестче, и послаблений, казалось, было неоткуда ждать. Вдобавок бо-

гобоязненные жители Массачусетса ощущали, что находятся во враждебном окружении.

В условиях фактической полувоенной блокады пуритан поведение почти каждого новопоселенца было на виду, и потому жестокое давление со стороны глав религиозной общины, настаивавших на непременном соблюдении каждым человеком общих для всех правил, не встретило и не могло встретить сопротивления. Постепенно пространство интеллектуальной жизни, личной и культурной свободы сузилось донельзя. Всякий оригинальный подход к решению той или иной мировоззренческой или бытовой проблемы стал восприниматься как злостное отклонение, а веротерпимость обратилась в грех. В Америке не распространилось движение левеллеров (уравнителей), но осадная жизнь и без того делала примерное равенство фактом жизни.

Однако полутюремное существование не могло длиться вечно, и ситуация стала меняться с разделом все более расширяющейся общей земли, превращением крохотных поселков в города, с прибытием носителей новых идей из Европы. Географические границы, расширяясь, способствовали и раскрытию духовных горизонтов. Словно в ответ на это, в ортодоксальной среде еще больше усилилось внутреннее ожесточение. Женщина-священник Анна Хатчинсон подверглась обвинениям в восьмидесяти грехах и была лишена права религиозного руководства.

Еще один пастор, о котором также уже упоминалось, Род-

жер Уильяме, вынужден был бежать и основал собственную общину (членам ее он, в традициях того времени, обещал спасение) в новом городке Провиденс, в колонии, которая получила название Род-Айленд. Менее сильные и уверенные в своей правоте диссиденты вынуждены были подчиниться.

Начавшиеся во второй половине семнадцатого века религиозные столкновения продолжались в Массачусетсе до 1780 года. В этой лидирующей во многих отношениях колонии укрепилась тенденция к авторитарному правлению, а идеи религиозной и иной терпимости утрачивали популярность. Однако существовали и исключения. К таковым можно отнести уже упоминавшегося Джона Уинтропа. Политическая карьера Уинтропа началась с избрания его губернатором Массачусетса сроком на один год. Уинтроп покориł многих граждан своим мягким и дружелюбным характером. Его правление пришлось на время, когда страх перед анархией приобрел массовый характер, и, предпочитая толерантного Уинтропа радикально настроенным соперникам, жители Массачусетса избирали его снова и снова. Но и на него падала зловещая тень всеобщей взаимной ненависти. В конце своего жизненного пути старый губернатор с грустью вспоминал о годах страха и жестокости.

В общем и целом изначально популярное убеждение в приверженности «отцов-пилигримов» идеям свободы поне­многу стало казаться исторической ошибкой. Лишь два де­ятеля колониального периода были безусловно последова-

тельно – это Уильям Пени и Роджер Уильямс, Первый сделал Пенсильванию территорией религиозной свободы. В упрек второму можно поставить то, что в качестве первого шага к свободе он требовал безусловного отречения от англиканской церкви.

Моральная атмосфера в североамериканских колониях была напряженной. О культуре обыденной жизни можно судить по дневникам и завещаниям (часто это были своего рода автобиографии) того периода. Мы узнаем из этих документов, например, что на протяжении двадцати двух лет празднование Рождества было отменено. Брачные церемонии далеко не сразу заняли место в частной жизни.

Собрание квакеров

Превосходное свидетельство – завещание некоего Роберта Кейна, документ, на создание которого ушло пять месяцев. Обстоятельно написанный текст прекрасно показывает,

как стремительно менялась моральная обстановка в колониях вслед за укреплением позиций переселенцев и в зависимости от происходившего в Англии, от соперничества Лондона с другими европейскими столицами.

Бостонский купец Кейн начал трудовую жизнь помощником мясника. Затем он занялся торговлей и был обвинен колониальным судом в получении слишком больших доходов при продаже конской сбруи, гвоздей и золотых пуговиц. Судебное разбирательство – нехристианское, безжалостное, придерживающееся нечестных стандартов – причинило Кейну невыносимую душевную боль. К делу была привлечена церковь, и она нашла, что обвиняемый позорит имя Господне. Купец отстаивал свою правду как мог, и в результате состав суда не смог прийти к единому мнению. Однако очевидно, что пуританское преклонение перед богатством не сработало на этот раз. Между прочим, если бы Кейна осудили, то деньги его отошли бы Гарвардскому университету.

Предок Карнеги и Рокфеллера обличал свое лживое и нечестное время. Он писал, что ненавидит суеверия пап и прелатов, ложный анабаптистский (анабаптисты – еще одна секта, распространенная в Европе с XVI века) энтузиазм, идею значимости кровного родства, нечестные приемы и незрелые мнения, которыми руководствовались косные священники и судьи. Все это, по его мнению, порождало злостные ошибки, ведущие, в конце концов, к поруганию Божьей чести и правды.

Надо еще раз подчеркнуть, что особое место в жизни североамериканских колоний занимали процессы над «ведьмами». В пуританском Массачусетсе повесили тридцать пять колдуний. Это темная, печальная страница американской истории. Но нельзя считать, что лишь пуритане практиковали столь страшные расправы над обвиненными в колдовстве: подобные процессы имели место везде в Европе, и в католических, и в протестантских странах. Примечательно, что такие казни относятся преимущественно не к «темным» или Средним векам, а к эпохе Проторенессанса – к концу тринадцатого века (не говоря уже о том, что преследование колдуний поминается в Библии).

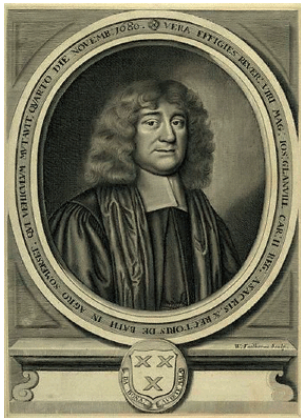
Разумеется, процессы над ведьмами имели в свое время научное или, скорее, квазинаучное обоснование. Существовали десятки мыслителей, искренне веровавших в силу колдовства и ведовства и стремившихся, помимо всего прочего, изучать данный феномен. К ним относился англичанин Джозеф Гленвил, священник, публицист и философ-идеалист, Основной пафос его произведений – борьба со свободомыслием и атеизмом современников. Одним из несомненных свидетельств присутствия Бога в бытии Гленвил полагал наличие в мире людей со сверхъестественными способностями. Отвергнуть колдовство для него и сходным образом мыслящих теологов – значит отвергнуть Библию.

Разумеется, Гленвил не был одинок. Живший в то же время врач и натуралист сэр Томас Браун, известный своими

опытами в биологии, был убежден в том, что наличие колдуний – безусловная часть брэнного мира. Размышления над человеческой природой, анализ пороков того времени побуждали Брауна и его единомышленников объяснять темные тайны бытия злой волей отдельных людей.

Между тем Гленвил был членом Королевского общества в Лондоне и принимал активное участие в его работе, прославился исследованиями добычи свинца и трудами по естественной истории. Он с яростным упорством защищал науку, видя в ней лучший путь в лучшее будущее. В двадцать четыре года он написал эссе «О тщеславии догматиков», в котором природа подавалась как предмет постоянного исследования, как творение Божественного провидения – Божественного архитектора, Героями для него служили Галилей, Гассенди, Харви, Декарт.

И таким передовым мыслителям, как Гленвил, и людям попроще колдовством казалось многое из того, что на самом деле являлось попыткой рационалистического познания мира: хироманты и их «коллеги» – геоманты, гидроманты, аэроманты, некроманты – искали причины человеческих несчастий и выстраивали последовательные системы квазинаучных занятий. Таким странным, порой варварским способом наука как бы начинала разгадывать тайны бытия.

Джозеф Гленвил

Пуританское мировоззрение было неоднородно: в нем уживались терпимость к личным взглядам, концепция демократических прав каждого на участие в государственном управлении, требования социальной справедливости, с одной стороны, и уничтожение «колдунов» и «колдуний» – по сути, просто людей, выглядевших не так, как все, и предававшихся малопонятным занятиям. Словесный призыв к радости жизни совмещался с требованиями аскетизма, постоянного «высшего служения», узким морализмом, преследованием инакомыслящих. Последние черты надолго въелись в историческую память Америки, подпитывая нетерпимость и жесткое коллективное подчинение догмам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.